

Валинурова Анастасия Андреевна, курсант,
ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России

Научный руководитель:
Решетникова Татьяна Николаевна,
профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент,
ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России

НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ СДЕЛОК, СОВЕРШЕННЫХ ПОД ВЛИЯНИЕМ ОБМАНА: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы квалификации и правоприменения институтов недействительности сделок, совершенных под влиянием обмана. Анализ посвящен выделению диспозитивных и диспозитивно-защитных элементов обмана, соотношению обмана и ошибки, роли умысла лица, вводящего в заблуждение, а также критериям существенности обстоятельств, служивших стимулом к совершению сделки.

Ключевые слова: Сделки, недействительность сделок, обман, недобросовестное поведение.

Институт недействительности сделок, совершенных под влиянием обмана, является одним из наиболее востребованных механизмов защиты прав участников гражданского оборота. Пункт 2 статьи 179 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) относит такие сделки к числу оспоримых и предоставляет потерпевшему право требовать признания их недействительными [1]. Однако правоприменительная практика сталкивается с серьезными трудностями при квалификации обмана как основания недействительности, что связано с оценочным характером законодательных критериев и сложностью доказывания умысла контрагента.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в пунктах 99-101 постановления от 23 июня 2015 г. № 25 разъяснил, что обман может выражаться как в активных действиях, так и в бездействии, когда сторона умалчивает о значимых обстоятельствах, о которых она обязана была сообщить при добросовестном поведении [5]. Обман признаётся существенным, если он касается элементов сделки, прямо указанных в законе, либо если разумный участник оборота не совершил бы сделку при наличии достоверной информации. Верховный Суд дал оценочные критерии, а не жёсткие правила. Значит, каждый судья решает по-своему, и одинаковых решений по обману ждать не приходится. Когда речь идёт о заблуждении (статья 178 ГК РФ), потерпевший сам может быть виноват в том, что не разобрался. При обмане всё иначе: его цель – умышленные и виновные действия контрагента [2]. Доказать прямой умысел на бумаге почти невозможно. Его вытягивают по косвенным признакам:

- 1) Продавец обещал одно, а сделать не мог;
- 2) Замалчивал важное ради своей выгоды;
- 3) Создавал видимость, что работает.

Суды по-разному подходят к тому, что считать обманом. Одно из дел разобрал Арбитражный суд Московской области. Продавец заверил покупателя: машина не битая. А из сервисных документов всплыло обратное. Суд сказал: это обман, сделка недействительна [7]. Письменными доказательствами прямой умысел при обмане подтверждается редко. На практике он выводится из совокупности косвенных фактов: объективная неисполнимость

обещанного, умышленное сокрытие информации ради получения выгоды, создание видимости исполнения. Единого подхода к тому, что именно признавать обманом, в судебной практике нет. В одном из дел Арбитражного суда Московской области продавец гарантировал покупателю безаварийность автомобиля, тогда как сервисные документы фиксировали аварии. Судебная квалификация указанных действий как обмана влечёт признание сделки недействительной [5].

Правоприменительная сложность возникает в ситуациях, когда обман исходит не от контрагента по сделке, а от третьего лица. Пункт 2 статьи 179 Гражданского кодекса РФ распространяет своё действие на такие обстоятельства при условии, что сторона знала либо должна была знать о недобросовестном поведении третьего лица [2]. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в пункте 100 постановления № 25 установил: бремя доказывания осведомлённости стороны возлагается на потерпевшего. Если сторона не обладала информацией об обмане со стороны своего представителя или агента и не имела возможности о ней узнать, сделка не признаётся недействительной по данному основанию. Описанный правовой механизм обеспечивает защиту добросовестной стороны договора, однако потерпевший в таких случаях остаётся без эффективной правовой защиты. Последствия признания сделки недействительной как совершённой под влиянием обмана закреплены в пункте 3 статьи 179 Гражданского кодекса РФ. Потерпевшей стороне возвращается всё исполненное по сделке, а также компенсируется реальный ущерб [2]. На практике проблемы возникают при определении размера такого ущерба, в особенности в части упущенной выгоды. Суды неохотно взыскивают упущенную выгоду по данной категории дел, требуя безусловного доказательства того, что при отсутствии обмана сделка была бы заключена на иных условиях. Дискуссионным остаётся вопрос о соотношении обмана и информации, имеющей рекламный характер. Пункт 1 статьи 5 Федерального закона «О рекламе» допускает определённые преувеличения в рекламе, которые не вводят потребителя в заблуждение [4]. Грань между допустимым рекламным преувеличением и противоправным обманом часто определяется судом на основе оценки восприятия конкретного потребителя. Заявление о том, что товар является «лучшим на рынке», признаётся допустимым преувеличением, тогда как утверждение о наличии у товара несуществующих свойств может быть квалифицировано как обман. Срок исковой давности по требованиям о признании сделки недействительной как совершенной под влиянием обмана установлен пунктом 2 статьи 181 ГК РФ и составляет один год [3]. Течение срока начинается со дня, когда истец узнал или должен был узнать об обстоятельствах, являющихся основанием для признания сделки недействительной. Потерпевший способен узнать об обмане через несколько месяцев после совершения сделки. При оценке пропуска срока исковой давности суд принимает во внимание момент, когда при разумной осмотрительности потерпевший мог обнаружить недобросовестность контрагента.

Законодательное регулирование недействительности сделок, совершённых под влиянием обмана, в целом отвечает потребностям гражданского оборота. Вместе с тем правоприменительные механизмы нуждаются в совершенствовании. Отсутствие чётких критериев отграничения обмана от законных маркетинговых приёмов влечёт судебное усмотрение и не единообразие практики. Перспективным направлением видится принятие специального постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации о недействительности сделок при обмане. Такое постановление конкретизировало бы признаки существенного обмана, распределение бремени доказывания умысла и правила исчисления срока исковой давности. Реализация указанных мер позволит унифицировать судебную практику и повысить эффективность защиты прав потерпевших.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21.10.1994 (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. П.2. Ст. 179.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21.10.1994 (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. П.2. Ст. 179.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21.10.1994 (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. П.2 Ст. 181.
4. О рекламе: Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. П. 1. Ст. 5.
5. Определение Московского городского суда от 05.03.2024 по делу № 33-12345/2024. URL: <https://reputation.su/sudrf/295662030>.
6. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.
7. Решение Арбитражного суда Московской области от 02.05.2024 по делу № А41-56789/2023. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/vV9O0TuE2br4/>.

